

INSPIRIA

18+

ФУМАНА

Паоло Малагути

INSPIRIA

Novel. Национальный бестселлер (Эксмо)

Паоло Малагути

Фумана

«Эксмо»

2024

УДК 821.131.1-31
ББК 84(4Ита)-44

Малагути П.

Фумана / П. Малагути — «Эксмо», 2024 — (Novel.
Национальный бестселлер (Эксмо))

ISBN 978-5-04-254202-2

Во время великого наводнения 1882 года рождается девочка. Ее мать умирает, а повитуха замечает, что ребенок отмечен судьбой: девочка появилась на свет «в рубашке». Старый рыбак Петролио, как умеет, заботится о внучке. А та, только научившись ходить, сбегает в густой туман, окутывающий болотистую долину, и слушает, как он с ней говорит. С тех пор ее называют Фуманой, что значит «туман». Фумане предстоит пережить любовь, утраты и обрести дар исцелять людей. Но пока она вырастет, сама долина, давшая ей имя, начинает меняться – и вместе с ней меняется все, что Фумана любит. Чем сильнее рушится привычный уклад, тем настойчивее звучит давний зов тумана. Это история о женской судьбе, исчезающем мире и таинственной связи человека с землей, которая способна стать и даром, и проклятием. Паоло Малагути – современный итальянский писатель, чья проза тесно связана с исторической памятью, фольклором и магическим реализмом.

УДК 821.131.1-31
ББК 84(4Ита)-44

ISBN 978-5-04-254202-2

© Малагути П., 2024
© Эксмо, 2024

Содержание

1. С чего все началось	8
2. Как Фумана стала Фуманой	14
3. Долина Моченига	18
4. Подняться наверх	21
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Паоло Малагути Фумана

Серия «Novel. Национальный бестселлер»

Paolo Malaguti
Fumana

© 2024 Giulio Einaudi editore s.p.a., Torino
Published by arrangement with Grandi & Associati, Milano.

Перевод с итальянского *Юлии Моисеенко*

© Моисеенко Ю., перевод на русский язык, 2026

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

«Стригой¹ родятся, а не становятся, ведь эти женщины отличаются от других».

Мария, крестьянка (Моргано, 1985)

«Шлюху легко распознать, а стригу нет: шлюха у всех на виду, а стрига свою природу скрывает».

Санто, крестьянин (Кодевиго, 1993)

«Не здоровайся утром до «Аве Мария» и вечером после «Аве Мария» ни с кем, кто повстречается на дороге: никогда не знаешь, стрига перед тобой или нет».

Даниэла, домохозяйка (Бузо, 1991)

«Стрига Бетин умерла при пожаре лачуги, где жила. Люди сказали: „Истинный крест, она была настоящая стрига, потому что погибла в огне“».

Эльвия, студентка (Санта-Лучия-ди-Пьяве, 1992)

¹ В книге используются два слова для обозначения народных целительниц, и между ними есть важное различие. Стригоска (*итал. strigossa*) – Фумана и Лена называют себя стригосками спокойно, потому что для них это просто профессия, которой они владеют: знание трав, заговоров, врачевания. Это слово в их устах звучит нейтрально, почти как «лекарка» или «знахарка». Стрига (*итал. stria*) – это природа, сущность человека, то, с чем рождаются. В глазах суеверных односельчан стрига – не просто женщина, умеющая лечить, а «ведьма», связанная с потусторонними силами. Именно поэтому жители Вольташирокко боятся стриг, а сами целительницы никогда не называют себя этим словом. Фумана и Лена всегда четко разделяют их в своем сознании: они – стригоски (по профессии), а не стриги (по природе). *Здесь и далее примечания переводчика.*

«Люди говорили: все, кто расчесывает волосы на ночь, – ведьмы».
Клара, домохозяйка (Гризиньяно-ди-Дзокко, 1994)

«Плоть вопящая,
кость отданная
и нерв перекрученный».

*Заговор костоправки
Элена (Вигодарцере, 1985)*

1. С чего все началось

Сентябрь 1882 года

За старухой пришли, когда уже смеркалось. Но даже если бы день был в самом разгаре, только сумасшедший не отказался бы идти. Старуха, однако, сказала «да», закуталась в черную шаль, взяла свой зонтик и вышла.

Те, у кого была крепкая крыша, поднялись наверх, взяв мешки с мукой, семена, кур и кроликов. А кому-то хватило и дамбы – лишь бы забраться повыше.

Уже две недели вода Адидже застаивалась, пенилась и крушила все, начиная от Анджари и ниже. Паводок перелился в Канальбьянко и прорвал дамбы сначала у Бергантино, а потом у Фрассинелле. Теперь весь участок земли между Адидже и По превратился в сплошное грязевое болото.

Дождь хлестал прямо по голове, заливаясь в уши. Мужчина, шагавший впереди старухи по черному полю, вдруг спросил:

– Не боитесь?

Она засмеялась и ответила:

– Брось, в мои годы бояться лишь одного – зажиться на этом свете.

Серая лачуга растворялась на фоне серого неба. Женщина лежала в хлеву, и ее крики перекрывали порывы сирокко, под которыми стонали огромные тополя.

Старуха воскликнула:

– Почему ты не отнес ее на крышу?

Мужчина ответил, что боялся повредить нарождающееся создание и что женщина слишком громко кричит.

В этот момент раздался тревожный набат. Колокола гудели где-то далеко – слышалось лишь смутное эхо, которое ветер то подхватывал, то гасил. Впрочем, сомневаться не приходилось: это в Полезелле, выше по течению, перерезали канал Фосса. А значит, вскоре волна паводка придет сюда.

Старуха подумала, что не стоит терять время на разговоры, и вошла. В хлеву с низким давящим потолком, под тусклым светом фонаря, подвешенного к балке, на сене лежала худая и бледная девушка. Она голосила, как мартовские коты, когда дерутся за своих самок, – то приглушенно стонала, то разрывала воздух криком отчаянной боли. А рядом преспокойно жевала корова, время от времени поворачивая морду, чтобы взглянуть на роженицу.

Старуха спросила, потрогав живот:

– Это первый?

Мужчина у нее за спиной кивнул, не моргая округлившимися глазами.

– И ты – отец? – уточнила она.

Он выпалил:

– А кто же, по-вашему? Сын? – и выбранился.

Повитуха (она была стара – седых волос не перечесть, а лет и подавно – и хорошо знала свое дело) даже бровью не повела, сухо ответив, что в таком случае пусть убирается прочь: он и без того уже причинил достаточно вреда.

Потом взяла за руку девушку, изнуренную болью, и сказала:

– Не волнуйся, первый раз всегда так. Потом они сами выпрыгивают.

Девушка закричала еще громче, затем простонала, что больше никогда не позволит мужчине к себе прикасаться, если нужно терпеть эти адские муки.

Повитуха с понимающим видом усмехнулась, утирая пот с ее лба.

– Все вы так говорите. А потом дьявол ухитрится пристроить свой хвост, а мужчины – кое-что другое.

Минуты тянулись медленно. Старуха то и дело бросала взгляд на дверь хлева. Мужчина стоял там и всматривался в темноту окрестных полей – ждал, когда покажется волна грязи.

Наконец роженица совершила последнее усилие. Тогда повитуха, несмотря на долгий опыт, вытаращила глаза и выпалила:

– Господи! С первого же раза! Надо поставить свечу святой Анне за то, что она послала вам такую благодать!

Вскоре младенец подал голос, явно выказывая свое недовольство этой юдолью слез, в которой вдруг оказался.

У матери посинели губы и вновь увлажнился лоб. Она с трудом прохрипела:

– Дай мне ее.

Повитуха засмеялась:

– Ишь ты, а кто тебе сказал, что это девка? – и принялась пеленать ребенка.

– Сама знаю, – ответила мать, принимая сверток.

В этот самый миг поток прорвавшейся крови запачкал сено вокруг. Повитуха схватила девочку и уложила в колыбель, а потом попыталась заткнуть течь, однако ей уже не раз доводилось видеть подобное: кровь была темной, чуть ли не черной, и хлестала без передышки. Оставалось только молиться вполголоса.

Мужчина вернулся, крича, что звонит большой колокол в Адрии, что вода уже близко и надо убираться отсюда любой ценой. Тут он увидел жену с белой тряпкой, закрывшей лицо, и кровь.

Старуха сказала:

– Господь наш сегодня послал тебе радость и горе. Держи крепко и то и другое.

Она показала ему девочку, лиловую от надсадного крика и такую страшную, что будь она вдвое краше – все равно получилась бы страхолюдина; но с черными-пречерными густыми волосами, что, по словам повитухи, сулило в будущем настоящую красоту.

Старуха хотела объяснить отцу, какую благодать получило его дитя, однако мужчина уже не слушал. Он даже не притронулся к дочери. Обезумевший, со стеклянными глазами, он прошипел что-то – ругательство или молитву, поди пойми, – и вышел вон, не обращая внимания на паводок, стремительно заливающий поле.

Повитуха только головой покачала: не бросаться же вдогонку за беглецом.

Она взяла сверток, перевесила его на шею, отыскала деревянную лестницу и вскарабкалась на крышу лачуги – как раз вовремя. После чего всю ночь просидела с раскрытым над головой зонтом, напевая невесть что вместо колыбельных, лишь бы убаюкать бедное дитя, надрывавшееся криком от голода.

На рассвете все вокруг покрылось мутной водой. Наконец по улице кто-то проплыл на лодке, и старуха попросилась на борт. Она сообщила, что в хлеву остались мертвая женщина и живая корова, и велела отвезти себя на большую дамбу, где собралась огромная куча народу. Происходившее больше напоминало бы деревенский праздник, если бы не колокольный набат и вытянутые лица.

Повитуха принялась искать отца, расспрашивала людей... Напрасно. То ли он укрылся в другом месте, то ли был пожран грязью и теперь почивал где-то рядышком со своей женой. Старуха не стала долго об этом раздумывать: ее ждало другое дело. Она нашла священника, поведала ему о несчастье и спросила, остались ли у покойной родные: им нужно сказать нечто важное.

Священник тоже не сомкнул глаз в минувшую ночь, и забот у него было по горло – приглядывать за целой толпой пострадавших. Все же он подробно расспросил, где жила несчастная мать, а потом молвил:

– Это дочь Петролио.

И отвернулся, потому что в такой день следовало заниматься не мертвыми, а живыми.

Разумеется, старуха не сразу кинулась искать этого Петролио – сперва полагалось сделать кое-что поважнее. Она прошла изрядный отрезок дамбы и наконец нашла ту, кого искала. Месяц назад повитуха принимала пятого ребенка у Карлы из Кавецци, чья семья проживала сразу за Вольташирокко, если пройти вдоль Канальбьянко со стороны Смергончино.

Крепкая Карла рожала как по маслу, и мясо с вином у нее не переводились, потому что Кавецци жили на широкую ногу: и земля у них была, и скотина.

Увидев Карлу, сидящую на дамбе посреди своей горластой оравы, повитуха сказала:

– На, заработай себе кусочек рая.

Карла приняла узелок на колени и дала девочке грудь. Малышка тут же перестала хныкать.

– Смотри, как тянет. Есть хотела, бедная. А чья она? – спросила Карла.

– Той, что уже отмучилась, – ответила старуха. Однако потом прибавила: – Ее ждет такая удача, какая нам с тобой и не снилась.

Карла не стала расспрашивать. Во-первых, ей и со своей ребятней хватало хлопот, а во-вторых, повитуха, уладив дело, сразу же удалилась: в те дни слишком многие на этой бедной земле нуждались в ее помощи.

Девочка пробыла у кормилицы меньше недели. Потом пришел дед, тот самый Петролио, которого священник назвал повитухе, и забрал ее.

– Оставьте, она мне не в тягость, – сказала Карла.

Но старик не желал и слушать. Совсем недавно ему пришлось собственными руками хоронить дочь, ведь тот мужлан, отец новорожденной, как выбежал из хлева, так больше ни разу и не показывался.

– У меня теперь только эта, – пробурчал Петролио. – Уж я о ней позабочусь. Козу вот взял.

Он смущенно покосился на пышную грудь женщины и добавил:

– Ну, знаете... для молока.

Затем спросил, сколько женщине причитается за труды, поблагодарил, нахлобучил шляпу. И перехватил узелок, будто сухое полено, приготовленное для печки. Карла испуганно проговорила:

– Если вы собираетесь выкинуть девочку в реку, то лучше оставьте здесь.

Старик поудобнее пристроил внучку на руках и ответил, что просто отвык от этого дела, но уж как-нибудь справится: все же своя кровь. И ушел.

Минули месяцы. Прошло и проклятое наводнение. Дамбы отстроили заново, грязь расчистили, мертвых предали земле. Отслужили мессу, даже устроили крестный ход, чтобы всем миром возблагодарить Господа за то, что Он все уладил. Может быть, насельники неласковой низины и сомневались в душе: есть ли смысл благодарить Господа за то, что буря кончилась, поскольку, если разобраться, Он же ее и наслал. Но в таких делах лучше не вступать с Богом в пререкания – еще, чего доброго, опять осерчает. Словом, люди перекрестились, громко прочитали молитвы от молний и бурь и зажили дальше как придется, надеясь дотянуть до седых волос, не увидев ни одного подобного бедствия.

Об отце девочки больше ничего не слышали. В Вольташирокко мало кто верил в его погибель, хоть наводнение и прокатилось по всем полям. Большинство утверждало, что он нашел себе где-то другую бабу, чтобы и ту загубить – может, в Каварцере, а может, во Франколино.

Другие утверждали, будто несчастный подался в Америку – как, кстати, многие и сделали после наводнения восемьдесят второго года, мечтая сбежать от беспросветной нищеты, затопившей поля.

Так девочка осталась со своим дедом, которого все, включая священника, исстари звали Петролио. Скверное дело – дожить до шестидесяти и обнаружить, что ты теперь вместо отца беспомощному младенцу.

Петролио никогда особенно не везло. Он рано овдовел и с тех пор не женился. Однако никогда не жаловался – вот и теперь не начал. Просто тянул свою лямку.

– Почему вы не отдадите ее в приют? – спрашивали женщины, наблюдая, как Петролио таскается с малышкой туда-сюда по гумнам Вольташирокко, словно святой Христофор с Иисусом, как его изображают на фасадах старых церквей.

Старик пожимал плечами, качал головой и отмалчивался.

Всю жизнь его ремеслом была ночная ловля рыбы в здешних лагунах – от Мочениги до Веньеры и до Пападополи. Огромные пространства стоячей воды – где-то пресной, а где-то солоноватой – занимали в те времена почти целиком проклятый клочок земли, где реки чудовищно вязнут в грязи, прежде чем сгинуть в море. Точь-в-точь как люди, которые, пока молоды, транжирят дни и недели, а когда замечают, что дошли до края, начинают пятиться и дорожить каждым часом, который им остался.

Все, что было нужно Петролио для жизни, – старый сандоло, больше похожий на ореховую скорлупу, нежели на приличную лодку, длинная острога, расходящаяся на конце на множество крючковатых зубьев, да лампа на осветительном керосине. Старик прикреплял ее к носу сандоло, чтобы приманивать лягушек, угрей и линей.

И если с лодкой и острой старик управлялся сам, то керосин приходилось добывать. Поэтому во всех селах, деревнях и гумнах между Адрией и Лорео, когда был базарный день, старик ходил и спрашивал:

– Керосин² есть?

Так и прилепилась к нему со временем пахучая кличка.

По правде говоря, это была единственная фраза, с которой он обращался к людям. Старик не ходил ни в трактир, ни в церковь и жил с дочкой на краю Вольташирокко, сразу за необычным изгибом Канальбьянко, который и дал название деревне.

Тут надо сказать, что после наводнения, отнявшего у него дочь и давшего внуку, Петролио душой и телом посвятил себя одному весьма странному крестьянскому бунту, который потом обретет название «ла Бойе». В те дни даже обездоленным на короткий миг показалось: если как следует взяться, то дела можно изменить к лучшему.

У Петролио была куча причин злиться на пьемонтцев, превративших его в треклятого итальяшку. Потому что раньше, при двуглавом орле, он неплохо зарабатывал контрабандой соли и табака туда-сюда через По. Теперь же, когда кругом была Италия, будь она неладна, – и границы отодвинулись неизвестно куда³, нужда стала прижимать сильнее, а прорыв Адидже довершил остальное.

Петролио привязывал девочку на спину и носил с собой по площадям, на митинги, где даже частенько был зван на трибуну. Потому что, глядя на него – худощего, лысого, с толстой

² Petrolio (итал.).

³ В период с конца XVIII века по 1870 год происходило национально-освободительное движение итальянского народа против иноземного (прежде всего австрийского) гнета за объединение раздробленных итальянских государств в единое национальное государство. Центром объединения страны стало Савойское королевство (Пьемонт-Сардиния). До этого Апеннинский полуостров был раздроблен на множество государств. Контрабанда соли и табака через эти рубежи, в том числе через реку По, была обычным промыслом для жителей приграничных областей. После объединения Италии внутренние границы исчезли: вся страна оказалась под единой юрисдикцией Турина (а затем Рима). Для бывших контрабандистов это означало крах привычного уклада: больше не осталось «чужих» таможен, где можно было с выгодой переправлять товары. Поэтому Петролио и злится на пьемонтцев: они не только «сделали из него итальянца», но и лишили заработка.

красной девчонкой, орущей прямо над ухом, – люди очень хорошо понимали, как выглядит угнетенный народ, который больше не желает покорно гнуть шею.

В Вольташирокко многие говорили: добром это не кончится, не дело растить ребенка по-цыгански, без матери. Но Петролио всякому, кто почитал своим долгом прийти и растолковать ему, как правильно жить, отвечал одно и то же:

– Мой батя дожил аж до девяноста. Знаешь, какой у него был секрет? Он всегда поступал по-своему.

Иногда, если забастовка проходила в мантуанских краях, Петролио пропадал по два-три дня. И девчонка, которой едва исполнилось два года, не только не страдала от этого, но, казалось, даже радовалась всему: и ночам у костров, и песням, и крестьянским выкрикам: «Кипит, кипит наша злость, да и выплеснется!» Даже выстрелам – не петардным, а настоящим ружейным залпам господ и карабинеров.

Когда эти двое возвращались в Вольташирокко, время от времени какая-нибудь женщина приходила постучаться в дверь лачуги и спросить, не нужно ли постирать тряпки, принести малышке еды. Потому, разумеется, что Бог велел поить жаждущих и кормить голодных; но еще и потому, что любопытство – могучий зверь, который никогда не спит, а этот чокнутый старик, таскающий ребенка на баррикады, представлял собой слишком лакомый кусочек для любителей совать нос в чужие дела.

Петролио неопределенно хмыкал в ответ и качал головой: не надо. После таких отказов женщины возвращались к колодцу излить душу перед товарками: старик – просто самонадеянный хвостун, и если девчонка откинется, как ее мать, ему не на что будет жаловаться, чтоб он пропал, одичалый козел.

Лючия из Боскетти и Дезолина из Мальконтенти, известные в деревне тем, что глазищи у них острые, а язык еще острее того, однажды исхитрились проникнуть в дом Петролио – так потом неделями судачили на все лады, рассказывая, что они там видели и чего не видели.

Малютка даже спит не в колыбели (увверяли сплетницы, тараща глаза), а в медном котле, подвешенном к балкам под потолком. Когда она хнычет, старик толкает котел, тот начинает качаться, и дикарка опять замолкает. И еще кругом хлам, грязь, а уж вонь какая! Потому что старик там же солит и коптит рыбу, которую ловит в сезон, а потом продает в голодные времена.

Короче говоря, заключали они, не по-людски это – оставлять бедное дитя расти в подобном месте. Впрочем, на том разговор и заканчивался, потому что никому в деревне не хотелось брать в дом лишний рот, да еще девчонку. Кроме того, наступили дни, когда беднякам казалось, что все может измениться с минуты на минуту и что наконец-то даже крестьяне начнут жить не хуже господ.

Да только ничего не изменилось. Весной тысяча восемьсот восемьдесят пятого года хозяева решили, что с мятежниками пора кончать: явилась армия, открыла огонь. Кого ранили, кого посадили в кутузку.

Не важно, что через год двадцать два бунтовщика были полностью оправданы – мораль истории ясна: нищему надеяться не на что, кроме как на райскую долю за гробом.

Многим эта история осточертела. Они не стали ждать – собрали вещички и укатили за океан, в Америку. У тех, кто остался, работы прибавилось, плата стала чуть выше, и жизнь пошла-поехала вновь по наезженной колее.

Петролио был слишком стар, а внучка слишком мала, чтобы пускаться в дальнейшее плавание; так они и застряли в Вольташирокко. И каждый раз, когда по весне иней покидал дамы Канальбьянко и люди высовывали носы со своих подворий, находились желающие поспорить, что один или же одна из этих двоих, а то и оба вместе скопытились от холода, или голода, или от какой-нибудь хвори при их-то несуразном образе жизни.

Ан нет – год за годом они были вновь тут как тут: старик ходил и выпрашивал керосин, а девчонка сначала ездил на спине деда, а потом все время цеплялась за его черную мозолистую руку, как будто боялась, что ее у него украдут.

2. Как Фумана стала Фуманой

Зима 1892 года

Девчонке предстояло стать пропащей сорвиголовой – в деревне все были в этом уверены, как в том, что март – месяц паршивый. Ничего удивительного: очаг да юбка делают женщину честной, а у дикарки не было ни того ни другого.

Она больше обреталась на улице, нежели дома, точь-в-точь как коровы летом, и всегда носила штаны из фустаньо⁴, из-за которых смахивала на одного из тех оборванцев, что от скуки и злости швыряют камни в цыплят.

Петролио сам ее принарядил. Выудил штаны со дна старого сундука и подогнал, где надо, при помощи лески. Добавил шерстяную фуфайку на зиму и рубаху из хлопковой ткани на лето. А поскольку в этих краях зимой морозы суровые и кусачие, старик раздобыл промасленный, потрепанный табарро⁵, в котором дыр было больше, чем материи, и выкроил из него накидку, а из остатков шерсти соорудил здоровенный колпак. Тот вышел таким чудным, что походил на шапки древних венецианских дождей.

На свое счастье, девчонка не знала, кто такие дожи, и едва ли слыхала о святом Аполлинари, покровителе Вольташирокко, поскольку дед не брал на себя труд водить ее по воскресеньям к обедне. Так что маленькая бродяжка не обращала внимания ни на фасон колпака, ни на жалостливые взгляды, которые бросали на нее женщины, когда она проходила с дедом по улице.

Зато, едва научившись переставлять ноги, девочка показала, что ей до смерти хочется узнать, как устроен этот мир. Поэтому при любой удобной возможности она ускользала из дома и отправлялась куда-нибудь – то в деревню, то в засеянные поля, то к бесконечным топям лагун.

Петролио был начеку и, уходя, всегда запирал засов: внука, хоть и коротконогая, бегала так, что загляденье – спасибо козьему молоку, поленте и мягкому, жирному маринованному угрю, которыми дед без усталости пичкал малышку с тех пор, как у нее прорезались первые зубы.

Беда приходила зимой. В этой части света, где все переплелось – земля, море, река, – опускаются такие туманы, что стоят неделями. Иногда, в пору полнолуния, и вовсе не разберешь, день теперь или ночь: бледный перламутровый свет одинаков и ровен, так что либо держи в кармане часы, либо смирись и ложись спать, когда захочется, а поднимайся, когда проснешься. Тут и свихнуться недолго. Вдруг, например, ощутить внутри необъяснимое желание привязать себе камень на шею и броситься в По.

Из-за этих треклятых туманов Петролио в первые годы выбивался из сил, пытаясь уследить за внучкой. Ему даже приходило на ум посадить ее на цепь, как собаку, в особенности после того, как, вдобавок ко всему, малявка научилась самостоятельно отодвигать засов. И стоило деду задремать перед углями в очаге с потухшей трубкой, свисающей из морщинистых губ, или уйти на рыбалку – беглянка срывалась с места, а потом ищи-свищи в этом безбрежном море серых теней.

Накидывая табарро и зажигая фонарь, чтобы пробиться сквозь мглу, Петролио бранился на чем свет стоит – и в то же самое время молил душу своей дочери, чтобы та положила руку на

⁴ Фустаньо – плотная хлопчатобумажная ткань, похожая на фланель или бумазею, но более плотная. В XIX – начале XX века широко применялась для пошива рабочей и повседневной одежды крестьян, рыбаков, ремесленников – из-за прочности, теплоты и дешевизны.

⁵ Табарро – плащ с капюшоном и характерным свободным покроем, традиционный для Северной Италии.

голову непослушной девчонки, уберегла ее от колодцев, помойных ям, лютых ангуан⁶, болотных змеев, зыбучих песков, венецианцев и всех прочих напастей, что исстари водятся в здешних краях.

Впрочем, ничего не случилось – вернее сказать, ничего дурного. Петролио всегда находил свою внучку. И как только видел перед собой ее покрасневшие щеки и сверкающие глаза, желание отвесить ей оплеуху тут же проходило. Дед даже не ругался, просто хватал ее за шиворот, почти выдирая из сырой земли, взваливал на плечо или зажимал под мышкой и уносил прочь, не проронив ни слова.

Именно тогда девчонка и получила имя Фумана, что на здешних низинах означает «туман». История умалчивает о том, как ее звали прежде и кто придумал перекрестить – сам Петролио или другой из жителей Вольташирокко. Важно, что с тех пор для всех она была просто Фуманой.

Петролио находил очень странным, что внучка не боится темноты, а, наоборот, словно ждет первых дней осени, когда все утонет в тумане, чтобы снова сбежать неизвестно куда. Вскоре, однако, он перестал размышлять об этом, тем более что убедился на опыте: Фумана изучила берег Канальбьянко, поля и края больших лагун лучше любой охотничьей собаки и опасаться ей нечего.

К тому же, как понял старик со временем, она убегала не куда попало, а всегда шла вдоль дамбы, почти до самого Смергончино, и останавливалась на опушке леса графов Пападополи, в саму же чащу, под вечно сумеречную дубовую сень, заходить не решалась.

Он неизменно находил ее там – сидящую на сырой траве, похожую на камень, обросший мохом.

Фумана не перечила, когда Петролио приходил за ней. Разве что изредка шептала чуть слышно:

– Еще чуточку, деда.

Со своей стороны, Петролио ни разу не спрашивал у внучки, что, черт возьми, она находит приятного в том, чтобы теряться в тумане, и что ее там привлекает. Жизнь научила его простой истине: если можешь обойтись без лишних вопросов, лучше не задавай их.

И вот однажды – Фумане было тогда лет семь, не больше, Петролио мог бы поклясться, – подходя к тому месту, где он обычно ее находил, дед услышал в густом тумане два голоса. Один из них, само собой, внучкин. А вот другой – тоже вроде бы женский – показался старику незнакомым.

Ничего слишком странного, да? Странности начались, когда Петролио подошел к Фумане, потому что она сидела там, как всегда, в одиночестве. С ней были только пустая мгла влажного воздуха и, чуть поодаль, там, где начиналась роща Пападополи, легкий шелест листвы. И больше ничего.

Петролио мельком огляделся по сторонам, затем покосился на внучку. Та смотрела на него с обычным своим счастливым и безмятежным видом, разве что щеки у нее разругались по сильнее обычного да глаза блестели чуть ярче.

Он тогда ни о чем не спросил. Да и не слишком удивился, в конце концов: старик и сам, когда ходил на ночную рыбалку по водным лабиринтам, то и дело видел странные огоньки, слышал крики животных, каких больше никогда в жизни не слышал, а порой даже улавливал таинственные мелодии, словно где-то под водой играли на церковном органе.

Петролио этому даже не удивлялся – в крайнем случае осенял себя крестом и читал «Аве», благо совесть у него была более-менее чиста и спокойна.

⁶ Ангуаны – в фольклоре Венето и альпийского региона женские духи воды, обитающие в реках, озерах и родниках. Считалось, что они могут быть как покровительницами вод, так и опасными существами, способными утащить неосторожного путника под воду или зачаровать его. В народе их боялись и старались не тревожить

Помимо побегов в туман, Фумана вела себя даже слишком хорошо для дикарки, выросшей без матери. Дом она не убирала – дед ее этому не учил. Зато весной, когда солнце начинало пригревать, стирала золой одежду и простыни на широкой пойме Канальбьянко – там, где река образовывала почти неподвижную заводь с прозрачной водой. Люди исстари называли это место монашеской заводью.

Там Фумана стирала и отчищала все сразу, даже кастрюли, в которых дед разделявал рыбу, а потом мылась сама. Стягивала штаны из фустаньо и рубаху из хлопковой ткани, спускалась в теплую мелкую воду и терла себя пучками жесткой травы, сдиравшими грязь и старую кожу, наросшую за зиму.

Первые годы дед ходил вместе с ней. Это он показал внучке нужное место, научил полоскать простыни в воде и находить пучки той самой мыльной травы, как он ее называл. Но когда Фумане стукнуло десять, дед перестал провожать ее к монашеской заводи и начал наказывать, чтобы она хорошенько смотрела по сторонам, прежде чем купаться, – нет ли каких паршивцев в кустах.

Фумана росла точно на дрожжах. Штаны из фустаньо Петролио перешивал уже невесть сколько раз, да еще прикупил новую рубаху с фуфайкой, но и этого внучке хватило всего-то на пару лет.

Если посмотреть издали, Фумана все еще походила на парня. Юбок она отродясь не носила: в доме у деда такого добра не водилось, к тому же он считал их неудобными и опасными при той жизни, что вела эта непоседа.

Одни только черные волосы выдавали с первого взгляда, что Фумана – девчонка. Старик никогда не стриг огромную гриву курчавых кудрей, это было единственной прихотью внучки. Долгими зимними вечерами она сидела у окна и пыталась распутать пальцами эту копну. А однажды, пока дед не видел, попробовала смазать волосы жиром угря, после чего целый день просидела с головой, смоченной разведенным уксусом. Еле сдерживаясь, чтобы не рассмеяться, Петролио ходил по лачуге и строго ворчал:

– Что за глупость – перевести зазря столько жира! Попробуй-ка появиться на людях в таком виде; все мухи от Каванеллы до Остильи слетятся на твою голову. И молись, чтобы уксус отмыл этот ужас, не то придется обрить тебя налысо, словно каторжника из Кьоджи или какого-нибудь чесоточного.

Конечно, если посмотреть Фумане прямо в лицо, можно было увидеть ее глаза – глубокие, черные, кожу – шелковистую, белую, до странности бледную для той, кто все время на воздухе, и улыбку, всегда готовую появиться на маленьких пухлых губах, напоминающих ягоды рускуса, алеющие на свежавыпавшем чистом снегу.

Как-то вечером в самом начале лета, когда светлячки беззвучно роились в воздухе над зарослями кипрея вокруг деревни, Петролио, не говоря ни слова, протянул Фумане бумажный сверток.

Никогда прежде не получавшая никаких подарков, она ответила недоуменным взглядом, не понимая, чего хочет дед. Однако некоторые вещи не нуждаются в объяснениях, и девочка догадалась – разорвала бумагу, чтобы обнаружить внутри... маленькую острогу, с нее саму ростом, – вдвое меньше дедовой, зато с такими же металлическими зубьями, которые красиво отсвечивали в пламени лампы.

– Я заказал его у Санте, кузнеца, из особенных гвоздей. Если будешь правильно обращаться, она тебе будет служить, пока не состаришься.

Старик не добавил больше ни слова. Накинул на плечи табарро (потому что даже летом на великой равнине сырость пробирает до костей), взял свою острогу, керосиновую лампу и вышел. Только в этот раз он не закрыл за собой дверь.

Застыв на пороге, Фумана провожала глазами тень деда, удалявшуюся медленными шагами по полю, смотрела на небо, все еще лиловое на западе, на светлячков...

А потом поняла. И, схватив свою острогу, побежала следом.

3. Долина Моченига

Июнь 1893 года

Фумана не знала, какими словами описать клубок спутанных чувств и мыслей, что теснились в ее сердце и голове, пока она спешила вслед за дедом по утопающему во тьме полю. Прежде всего была глухая радость оттого, что она стоит на пороге чего-то нового – приключения тем более прекрасного, что оно нагрянуло столь неожиданно, когда девочка уже собиралась идти спать на соломенном тюфяке, как и в любую другую ночь своей юной жизни.

Еще – глубокая, почти умилительная благодарность за острогу, самый первый подарок, который дед ей преподнес, если не считать того, что он взял ее в дом и вырастил как родную дочь.

А кроме того, острога, которую она судорожно сжимала в руках, словно какой-нибудь разбойник мог вынырнуть из темноты и отнять ее, внушала девочке незнакомое прежде чувство гордости, собственного достоинства – оттого, что теперь она может работать наравне с дедом, а еще оттого, что ее вот так, неожиданно и почти без единой просьбы, посвятили в новую жизнь, которая казалась девочке бесконечно богаче и красивее прежней, оставленной где-то далеко позади.

Неразговорчивая, как и дед, и привыкшая проводить дни в одиночестве, Фумана по дороге не раскрывала рта, даже не пытаясь выразить словами то, что чувствовала. Она просто шла за стариком в самую гущу ночи, отгоняя набегающий сон.

Поле никогда ее не подводило. Более того, за эти годы оно стало ее единственным товарищем по играм.

Петролио ни разу не водил внуку в маленькую церквушку Вольташирокко, расположенную в самой высокой точке на повороте Канальбьянко. В деревню они навещали разве что для того, чтобы пройтись по базарам. В остальное время Фумана хлопотала по дому. Сверстницы рано выучились от взрослых коситься на нее с подозрением, которое дикарка, впрочем, охотно возвращала – она не понимала, как можно проводить жизнь в таких одеждах, явно неудобных, чтобы бегать по дамбам и по высокой, мокрой от росы траве.

Деревенские мальчишки гуляли с ней вдоль изгородей и по широкому руслу По, когда отмели обнажали длинные полосы белого песка, где было так удобно играть в кладоискателей. Но эти короткие приключения не приводили к глубокой и прочной дружбе.

А теперь Фумане не хватало времени. Порой она присоединялась к мальчишкам, если те окликали ее, проходя мимо лачуги, тем не менее быстро возвращалась домой, чтобы успеть приготовить еду до прихода деда.

Итак, они дошли до сандоло, спрятанного в гуще тростника на краю долины Моченига. Канальбьянко и По, слишком широкие и глубокие, полные коварных течений и предательских водоворотов, не годились для ночной ловли. В реках жизнь, конечно, присутствует, причем во всем ее изобилии, – однако проносится быстро, мощно, жестоко и неуловимо.

В каналах и тем более в долинах все кажется недвижимым – словно и не обитает ничего в этом бесконечном лабиринте из воды и земли. Но стоит задержаться на последней границе суши и, затихнув на время, прислушаться – и ощутишь в широких просторах, упирающихся в невидимое море, мощную дрожь тысяч жизней, волнение пресной воды, когда она смешивается с солоноватой, близкие и далекие щелчки сломанных веток, шелест листьев, потревоженных человеческой ногой, или чьей-то лапой, или клювом, а то и какой-нибудь потусторонней тварью. А еще – клики уток, цапель и журавлей, то радостные, то жалобные, и тихие всплески

рыб и лягушек у поверхности воды, до того застывшей и гладкой, что она представляется разлитым маслом, зеленым хрусталем, гладким изумрудным простором.

Фумана никогда не углублялась одна в долины: она понимала, насколько опасны подобные места для тех, кто не знает их как свои пять пальцев. Заблудиться там – пара пустяков. Нет ни дорог, ни тропинок. К тому же дед много раз объяснял ей, что болото любит менять свою форму: там, где прошлой осенью был канал или огромная, с виду бездонная заводь, через год найдешь лишь островок, поросший травой и кустами.

Нечего и надеяться выбраться оттуда, не умея ориентироваться по звездам или же по особым знакам, которые рыбаки и разбойники испокон века вырезали на стволах высоченных деревьев – либо еще живых, либо уже обротившихся в собственные скелеты и непонятно как вообще ухитрившихся вырасти там, где даже камышу, казалось бы, нелегко удержаться хилыми корешками среди ненадежного ила.

Плыли долго. Дед правил сандоло молча, отталкиваясь длинным шестом от близкого дна или же от травянистого берега одного из маленьких островков, которые они огибали. Казалось, лодка – это игла, а долина Моченига – огромный холст, по которому Петролио искусно и терпеливо выводит узоры изысканной вышивки.

Когда старик убрал шест на дно сандоло и зажег фонарь, Фумана уже не представляла себе, находятся ли они в миле, в десяти милях или всего в нескольких шагах от места отплытия: таинственное блуждание отняло всякое ощущение перспективы; однако непонимание не пугало ее, а наполняло неожиданным и трепетным чувством свободы – тем более что девочка твердо знала: дед никогда не позволит, чтобы с ней случилось что-то плохое.

– А теперь смотри в оба, – произнес Петролио.

И, не прибавив больше ни слова, принялся ловить рыбу, а Фумана – смотреть в оба. Сидя на корме сандоло, она внимательно изучала движения старика, постепенно понимая, на каком отрезке остроги сжимаются пальцы, как медленным и ровным движением, чтобы не спугнуть рыбу или лягушку, следует вытягивать руку, наносить удар и потом извлекать добычу... В то же самое время Фумана вдыхала всей грудью воздух, чувствовала прикосновения ветерка к своей коже и черным, как ночь, волосам – и впивалась глазами в темноту, пытаясь познать ее, приобщиться к ней.

Фумана привыкла проводить в одиночестве целые дни, и разговоры не то чтобы глубоко ей опротивели, а просто казались бессмысленной тратой времени. Но как же трудно было сдерживать поток вопросов, которые тогда назойливо вертелись на языке!

Как, например, называется эта заводь, где они остановились? И что за странные растения с длинными мягкими ветвями, густыми, будто волосы великана, облепили болото со всех сторон? И почему Петролио не вылавливает подчистую всех рыб, которые приплывают поглазеть на светящийся шарик лампы под маленьким днищем?

И вот, совершенно неожиданно, пришел первый ответ. Сняв с остроги последнего линия и бережно уложив его в ивовую корзину, Петролио затушил фонарь, а потом, пока глаза привыкали к темноте, коротко сказал:

– Главное не в том, чтобы много наловить, это дело нехитрое. Главное, – продолжил он, хватая шест и отталкиваясь, – это наловить ровно столько, сколько нам нужно. Если рыба молодая, или старая, или негодная, или если это мать, которой предстоит метать икру, – ее лучше отпустить на волю.

Фумана слушала и, разумеется, понимала не все из того, что рассказывал дед, но совершенно не беспокоилась по этому поводу. Отчасти потому, что знала: у нее впереди целая жизнь, чтобы постичь все тайны рыбалки в долине Моченига; а отчасти потому, что луна, красноватая и огромная, опускалась в густой тростник, отчего болото засветилось странными янтарными отблесками, и Фумана увязла в этом великолепном зрелище, словно муха в патоке.

Петролио вздохнул, привычно раскурил трубку, не переставая при этом орудовать шестом по мелководью, и замолчал уже до конца пути, предоставив болоту сопровождать их лодку на разные голоса и лады.

4. Подняться наверх

Июль 1893 года

– Да разве ж это дело?

Вопрос уже в четвертый раз подряд задал священник, дон Джелиндо. Пастырь знал своих овец слишком хорошо: приглашать Петролио в Божий дом – значит прождать его до второго пришествия. И вот в понедельник, ближе к закату, он подоткнул свою сутану, сел на велосипед и проехал от церкви Святого Аполлинария по дамбе Канальбьянко до самой лачуги Петролио.

Открывая дверь, Петролио сразу понял все: если священник лично является к вам, значит, скорее всего, собирается прочитать отдельную проповедь. Случись это в любом другом месте, старик не стал бы ждать, пока дон Джелиндо повторит свой вопрос в четвертый раз – давно придумал бы отговорку и благополучно отчалил. Однако священник прижал его к стенке: из собственного дома Петролио убежать не мог. Волей-неволей пришлось отвечать.

– Дело ли, не знаю. Но и неправильным мое поведение не назвать, святой отец.

Дон Джелиндо только-только успел отдышаться после велосипедной поездки в черной сутане под лучами летнего солнца, но при этих словах у него на шее вздулись вены, а лицо вновь побагровело.

– Как это «неправильным не назвать», сын мой? Как? Девушка – речь ведь идет о девушке! Которая и так уже выросла без материнского утешения... Ну, это ладно... И которую ни разу не видели в церкви... И это можно бы пропустить! Но сначала она бежит по полям одичавшая, хуже цыганки! А теперь ты еще и таскаешь ее с собой рыбачить в долине? Кем, по-твоему, вырастет эта бедняжка, старый ты хрыч?

Петролио ожидал чего-то подобного, и выходка дона Джелиндо его в общем-то не задела, разве что слегка позабавила. Не прошло и месяца с тех пор, как он впервые взял Фуману на рыбалку: кто-то, должно быть, видел, как они возвращались домой на рассвете, и этот кто-то, должно быть, счел своим долгом пойти и выложить все священнику.

– Святой отец, я стар и знаю только одно ремесло, – буркнул Петролио, кивнув на кастрюли, в которых мариновался улов прошлой ночи. – Мне оно кажется честным. Да и святой Петр был рыбаком.

Священник, поняв, что лобовой атакой тут ничего не добьешься, сменил тактику и попытался вразумить старика. Заговорил о том, что Фумана еще ребенок, но скоро станет женщиной, а тогда...

– Тогда и подумаю, как настанет время! – рявкнул старик.

Его резкий тон, нахмуренные брови и выражение лица заставили дону Джелиндо серьезно кивнуть, поспешно благословить хозяина сквозь густой кухонный чад и быстро выйти вон, пробормотав себе под нос: «Слава Иисусу Христу». Петролио ответил: «во веки веков, аминь», но священник уже давил на педали по пыльной белой дороге вдоль дамбы.

И все бы хорошо, однако разговор долго потом не отпускал старика. Словно кусок, застрявший в горле, – ни проглотить, ни выплюнуть. В конце концов, святоша не так уж и неправ, если рассудить. Да, в общем, придется же когда-нибудь умирать. Или Фумана однажды... Ну и как оно будет? Найдется ли мужчина, готовый жениться на ней – выросшей вот так, как трава у забора?

Время от времени старик задумывался об этом, но потом насущные заботы отвлекали его. Вот и сейчас, благодарение Богу, Фумана вбежала на кухню, чтобы извиниться за опоздание: она задержалась у сына Джобасси, в их доме родился новый теленок, а еще приятель показывал

ей цыпляют, а потом заташил на голубятню – проверить гнезда... Петролио смерил ее необычно долгим взглядом, но все же позволил серебристому потоку быстрых и радостных внучкиных слов унести и смыть с души все тревоги.

Потом отправил ее мыть руки над тазом – колокола давно прозвонили «Ангелус», пора было садиться за стол.

Визит дона Джелиндо был подобен летней грозе, что нарушает череду безоблачных дней. Петролио обманывал себя, что все уладится само собой, и продолжал жить как прежде. Он ходил на рыбалку с Фуманой после заката, и они оставались на воде до двух, а порой и до четырех утра.

Долина Моченига стала их вторым домом, но случалось, что, поднимаясь по канавам и протокам, Петролио водил Фуману и в долину Веньеру, и в Сагреду, и в Риторту... Придя домой, Фумана валилась на постель и лежала не шевелясь до самого полудня. Петролио же, которому хватало нескольких часов сна, вставал в восемь – солить, сушить, мариновать добычу, в зависимости от сезона и улова.

Фумана схватывала все на лету, и через три месяца Петролио, хоть он никогда в этом не признался бы, по ночам приходилось выкладываться по полной: у девчонки был глаз канюка и кошачья прыть. Иногда она замирала надолго с острой, занесенной над головой, поставив правую ногу на узком носу сандоло. Стояла не шелохнувшись, как будто болотная ангуана наслала на нее порчу. А потом вдруг острога летела вниз, и Фумана, довольно улыбаясь, доставала добычу.

С самого начала Петролио заметил в ее движениях одну странность, которой не мог объяснить, потому что ничему такому девочку он не учил. Снимая с остроги еще трепещущую рыбу, Фумана быстро подносила ее к губам и тут же опускала в ивовую корзину на дне сандоло.

Петролио плохо видел, что она делает, – отчасти из-за тусклого света лампы, отчасти потому, что девочка стояла к нему спиной, а ее густая копна кудрей сливалась с темнотой. Но что-то там явно происходило.

Старик терпел сколько мог. И наконец, однажды ночью на исходе лета, медленно подтапливая сандоло к дому, не выдержал:

– Что ты там делаешь с рыбами каждый раз?

Фумана полулежала на носу, ничком на мешке из пеньки, свесив руку за борт и пропуская между пальцами теплые тихие волны. Она слегка развернулась, посмотрела на него ясными и честными детскими глазами и просто ответила:

– Я говорю им спасибо за то, что они разрешили себя поймать.

Петролио спорить не стал, но долго потом переваривал услышанное. Для него подводная живность представляла собой всего лишь еду. Если он старался ловить только правильную рыбу и только в правильное время, то не потому, что жалел, а из тех же соображений, которые заставляют крестьянина срывать спелый плод, а незрелый оставить на ветке.

Откуда же у внучки взялась эта жалость, эта привычка – благодарить рыбу? Скажи такое дону Джелиндо – тот, пожалуй, еще и благословил бы девочку за то, что она обращается со зверьем как с добрыми христианами.

Старик дожил до своих лет потому, что научился не забивать себе голову лишними мыслями. Вернувшись домой, он больше об этом не думал. Однако в глубине души чувствовал: странность внучки (обычное ребячество, на посторонний взгляд) связана с давним случаем, когда дед слышал беседу внучки с кем-то неизвестным в тумане, а потом никого не увидел.

Старик твердо усвоил: когда ответы опаснее вопросов, лучше оставить все по-прежнему и помалкивать.

После визита дона Джелиндо никто больше не являлся им докучать. Правда, когда они ходили в Адрию продавать рыбу, люди часто указывали на девочку с ухмылкой, которая не оставляла сомнений в том, о чем они судачат.

Фумана пребывала еще в том счастливом возрасте, когда на подобные вещи не обращают внимания. Ну, а Петролио – старый, но жилистый и сухопарый, – если уж кто-то откровенно гоготал у него под носом, задумчиво доставал длинный узкий нож, которым разделявал рыбу, и, будто рассуждая сам с собой, задумчиво говорил, что рыбу хотя бы съедаешь, когда ее потропишь, а вот если нанизать кишки на нос надоедливому болвану – придется потом тащиться на каторгу, и все удовольствие.

Обычно болван понимал столь прозрачный намек и убирался восвояси.

Но однажды утром все пошло иначе. Закончив торг на площади у кафедрального собора Святых Петра и Павла, Петролио отправил Фуману к насосу за двумя ведрами воды – сполоснуть прилавок перед уходом. Та послушалась и пошла. У насоса она увидела девочку примерно своих лет – неизвестно чью дочку, которая тоже набирала воду, с остервенением поднимая и опуская длинный изогнутый рычаг из темного металла.

Незнакомка оглядела Фуману и, дождавшись паузы, подала голос:

– Я знаю, кто ты. Та самая рыбачка, которая одевается как мужик.

Фумана внимательно обдумала услышанное, рассмотрела девочкину длинную голубую юбку и белый передник, а потом, улыбнувшись, ответила:

– Да, это я.

Девочка не ожидала такой реакции и решила добавить:

– Моя мама говорит, что ты никогда не найдешь себе мужа, если будешь так жить.

Потом она осторожно приблизилась и сразу же отпрянула, сморщив нос.

– Впрочем, как ни вырядись, кто подберет такое сокровище? Чем это от тебя разит?

Живя с Петролио, Фумана не слишком натренировала свои ораторские способности. Она поняла, что девочка ее оскорбила (правда, непонятно зачем), и хотела бы ответить как следует, но от внезапно нахлынувших злости и стыда у нее перехватило дыхание. Не придумав ничего лучше, рыбачка развернулась и пошла обратно к деду – с пустыми ведрами.

По дороге Фумана торопилась переваривать две новости, от которых ей стало хуже, чем от самого оскорбления: во-первых, запах ее родного дома окружающие воспринимают как вонь; а во-вторых, в жизни каждой девушки, видимо, рано или поздно должен появиться мужчина, который ее «подберет».

Когда Петролио спросил, почему она не принесла воды, Фумана не выдержала и разрыдалась посреди площади. День уже клонился к вечеру, так что слышали ее немногие, да и те не стали бы вслушиваться.

Петролио, как ни старался, едва понимал беспомощный лепет внучки среди горестных всхлипов. Наконец с грехом пополам разобрал, что речь о рыбе и о мужьях. И если по поводу рыбы он еще мог бы сказать пару умных слов, то про мужей не знал ровным счетом ничего – вернее, сама мысль завести с внучкой беседу в подобном роде пугала его сильнее, чем угроза внезапной бури во время ловли.

Дед вытер ей глаза шершавыми пальцами, сказал (чуть более сердито, чем собирался): мол, незачем так распускаться на людях, велел сейчас же взять себя в руки. А потом решил пустить дело на самотек, надеясь, что когда буря утихнет, Фумана и сама забудет обо всех этих глупостях.

Старик надеялся зря. Ему пришлось вернуться к этой теме в тот же вечер, когда, по случаю подходящей луны, они собрались на рыбалку.

– От нас дурно пахнет, деда?

Фумана не стала ходить вокруг да около. Петролио мысленно поблагодарил своего ангела-хранителя за то, что внучка не пошла сразу с козырей, не спросила о муже. Хоть немного времени, чтобы подготовиться.

– Да брось, – ответил он, делая вид, будто занят сумкой, которую на самом деле уже уложил. – У каждой работы свой запах. Благоухает лишь тот, кто ничего не делает, как важные господа.

Петролио посмотрел на Фуману. Она выслушала молча, но, видимо, не успокоилась. Тогда он вздохнул и закончил:

– Нет плохих и хороших запахов. Есть честные и бесчестные. Если работаешь честно – можешь ходить с высоко поднятой головой, даже если от тебя чуть-чуть пахнет рыбой.

Фумана серьезно кивнула, с минуту покрутила в руках конец веревки, свернутой кольцами у ножек большого деревянного стола, и заговорила снова:

– А почему мужчина обязательно должен меня «подобрать»? Почему я не могу остаться здесь навсегда?

Петролио опустил сумку на пол и раскурил трубку.

– Дорогая моя, – начал он, медленно затягиваясь и смакуя дым, – не думай о таких вещах. Они придут сами собой, как приходят зимний холод и летнее тепло.

Фумана удовлетворилась ответом; на том, казалось бы, все и закончилось. В ту ночь, когда они по очереди метали острогу с носа сандоло, Петролио чувствовал себя неловко – как если бы камешек забился в башмак, чего никак не могло случиться, поскольку в лодку старик всегда залезал босиком. Он-то понимал: когда-нибудь эти вопросы возьмут верх и разожгут пламя страхов, которые тлели, словно угли под пеплом, в глубинных уголках его совести.

Фумана ему ведь даже не дочь. Старый ворчливый хрыч, что он мог ей дать... В общем, может, дон Джелиндо и прав; наверное, Петролио и впрямь не заменит внучке отца и мать; наверное, жизнь, которую они вместе ведут, не такая уж правильная, несмотря на всю привязанность девочки к деду.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.